

УДК 327(73)
ББК 66.4(7Сое)

Алхименков Михаил Александрович*, кандидат исторических наук старший научный сотрудник Центра координации исследований РИСИ.

Осень Рах Americana: перестройка гегемонии США в эпоху Трампа

Элита США, несмотря на многочисленные внутренние противоречия, сохраняет консенсус по вопросу американского глобального лидерства. Вашингтонский истеблишмент считает необходимым удержать доминирующее положение своей страны перед лицом усиления держав-соперников, хотя способы защиты её первенства, предлагаемые в обеих ведущих партиях, по многим аспектам серьёзно расходятся. Глобальное лидерство Соединённых Штатов опирается не только на саму национальную мощь, но и на деятельность институтов американской гегемонии. Рах Americana¹ является одной из гегемонистских систем, которые неоднократно возникали в истории международных отношений.

Несмотря на объективные различия сменявших друг друга доминирующих стран, все гегемонии имеют некоторые общие черты. *Гегемония по сути представляет собой систему международных связей, сформированную вокруг государства, которое обладает превосходством над остальными её участниками. При этом держава-гегемон оказывает определяющее влияние на условия развития данных связей и внешнеполитическое поведение объединённых ими стран.* Гегемония на межгосударственном уровне занимает промежуточное место между прямым контролем над территориями ("вертикалью") и привычным стремлением великих держав играть активную роль в решении международных вопросов ("горизонталью") и формирует своего рода "диагональные" связи между лидером системы и её участниками.

В гегемонии США, как и вообще в международной гегемонии той или иной державы (на глобальном или региональном уровне), можно выделить три системообразующих элемента. Первым из них является *принуждение* как способность заставлять другие страны действовать в нужном гегемону ключе с помощью прямого военного или экономического давления. Вторым элементом составляет *кооперация*, т.е. успех в вовлечении максимального числа государств во взаимовыгодные отношения, превращение страны-гегемона в незаменимого участника международной торговли. Третья основа

* Alkhimenkov@yandex.ru

¹ "Американский мир" – система стабильного доминирования США в странах западного блока, сложившаяся после Второй мировой войны и распространившаяся на большую часть планеты после окончания холодной войны, а также соответствующий период в истории международных отношений.

гегемонии выражается через *привлекательность*, которая определяется умением внушать зарубежным обществам идею о справедливости лидерства ведущей державы, его благоприятности для других стран.

США достигли значительных успехов в институционализации всех трёх компонентов гегемонистского лидерства, будь то доминирование в военно-политических альянсах вроде НАТО, создание торговых блоков наподобие НАФТА или привлечение игроков со всего мира в свои ведущие ассоциации в популярных игровых видах спорта (например, в НХЛ).

Природа гегемонии США

Американскую гегемонию отличает такая черта, как глобальность. История знает множество примеров гегемоний в отдельных регионах мира (например, спартанская гегемония в Древней Греции), но даже самые крупные и известные среди них (в частности, Римская империя – *Pax Romana* или монгольские завоевания в Евразии – *Pax Mongolica*) по географическому охвату распространялись самое большее на макрорегионы. Лишь с началом Нового времени был достигнут технологический уровень, достаточный для формирования торгово-экономических связей и колониальных империй во всемирном масштабе, что сделало возможной борьбу за глобальную гегемонию.

В истории известно небольшое число держав, претендовавших на статус глобального гегемона (и тем более добившихся его). По мнению британского географа и экономиста Питера Тейлора (Нортумбрийский университет), друг друга сменяли глобальные гегемонии Голландии (XVII в.), Великобритании (XIX в.) и США (с середины XX в.)². Сила гегемонии от страны к стране постепенно возрастала³.

Голландская республика достигла в определённый период главенствующего положения в системе международных коммерческих связей, однако успехи её купцов не были прочно подкреплены государственной военной мощью (давление сильных континентальных держав вроде Франции стало одной из причин заката голландского лидерства), а нидерландская политическая модель особо не продвигалась "на экспорт".

Британской империи удалось исправить первый недостаток предшественника. Англия находилась в более защищённом положении – располагалась на островах, а также обзавелась мощным флотом, который позволил британцам надёжно оберегать своё доминирование в мировой торговле. Однако геополитическое положение Лондона по-прежнему сильно зависело от баланса сил в Европе. Английская политическая модель хотя и снискала определённую популярность за пределами Альбиона, но была ограничена в распространении в эпоху консервативных абсолютных монархий.

Зато другая англосаксонская держава – Соединённые Штаты – смогла соединить все три компонента гегемонии (лидирующие позиции в управлении международной экономикой, статус ядерной сверхдержавы, успешную экспансию собственной формы политического режима). По итогам

² См.: *Flint C., Taylor P.J. Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality / 7th ed. Routledge, 2018.*

³ Некоторые исследователи также выделяют периоды испанской и португальской глобальных гегемоний.

Второй мировой войны США начали играть роль государства, обеспечивающего общие правила поведения в международной системе. Американцы сохранили свой суверенитет, но стали ограничивать национальные интересы других стран, в том числе своих союзников, приводя их к соблюдению единых условий Бреттон-Вудского, а затем нелиберального (Вашингтонского) консенсуса. Поддержание ими стабильных условий осуществления международной политики и торговли было также призвано обеспечить интересы как глобализирующегося капитала, так и верхушки государств – союзников США, которые были заинтересованы в устойчивом социально-экономическом развитии и неповторении катастрофы мировой войны. В этом качестве "держателя игры" Соединённые Штаты смогли пережить целый ряд кризисов (особенно острый – на рубеже 1960–1970-х гг.) и сохранить свою гегемонию.

Американская гегемония углублялась, охватывая жизнь широких слоёв населения стран Запада. Историк и социолог Перри Андерсон (Калифорнийский университет) отмечает, что в послевоенную эпоху США удалось вовлечь рабочий класс западных государств в процессы массового производства и растущего потребления, увенчав их антикоммунистической идеологией. Несмотря на постепенную эрозию этой "фордистской" модели, возникшую по мере развития новых форм производственных отношений, гегемония Вашингтона перестроилась, и к 1980-м гг. вокруг неё возник новый исторический блок, включивший большую часть населения планеты в систему нелиберального капитализма⁴.

Гегемония США как национального государства к окончанию холодной войны (а тем более после неё) стала едва ли не отождествляться с либеральным миропорядком и проведением соответствующей политики (поощрение свободной торговли, пропаганда либеральной демократии, интервенции "в защиту прав человека" и т.д.). Данная ситуация представлялась многими исследователями как естественное явление, в принципе присущее глобальной гегемонии. Так, американский экономист Чарльз Киндлбергер, один из основателей теории гегемонистской стабильности, подчёркивал, что доминирующей державе выгоден процесс либерализации мировой торговли⁵, а сам гегемон должен защищать принципы свободной торговли, уберегая международные отношения от конфликтов в этой сфере. Джон Айкенберри (Принстонский университет) утверждал, что США оформляют международный порядок и господствуют в нём, гарантируя поступление прибыли другим государствам, и эта прибыль обеспечена согласием последних⁶.

Американский внешнеполитический подход, основанный на постулатах либеральной гегемонии, подразумевал отношения США и глобальной экономики как взаимовыгодный обмен. Упадок гегемонистской системы в таком случае представлялся вредным для мировой торговли, а рост закрытости международных рынков – пагубным для лидирующей державы.

⁴ Андерсон П. Перипетии гегемонии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. С. 226.

⁵ Kindleberger Ch. Dominance and Leadership in the International Economy: Exploitation, Public Goods, and Free Rides // International Studies Quarterly. 1981. June. Vol. 25. P. 242–254.

⁶ Ikenberry J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis and Transformation of the American World Order. Princeton, 2011. P. 70.

Однако с вступлением в должность президента Д. Трампа идея о том, что американская гегемония может быть исключительно либеральной, оказалась поставлена под сомнение. Сами Соединённые Штаты стали менять "правила игры" в завязанной на них международной системе. В Белом доме возобладала точка зрения, согласно которой собственные затраты США на поддержание миропорядка превосходят получаемые страной выгоды, что подрывает американскую гегемонию, а не укрепляет её. Это побудило Вашингтон к пересмотру формата кооперации с союзниками и партнёрами. Если раньше эти связи воспринимались американской верхушкой сквозь призму общей исторической "миссии" (под руководством США) по формированию "свободного мира", то при Д. Трампе стал превалять взгляд на них как на цепь невыгодных сделок, что привело к "выставлению счетов" союзникам за военную помощь и доступ на американский рынок.

Теперь в Белом доме сочли, что в условиях неолиберальной глобализации Соединённые Штаты начали постепенно уступать экономическое лидерство КНР и ЕС. Эпоха стабильного однополярного мира завершилась, и США вступили в период борьбы за сохранение *Rex Americana*.

Бремя гегемонии

Трамписты, по сути, признали факт "имперского перенапряжения" Соединённых Штатов. Они сочли причиной этого не только ошибки неоконсерваторов в начале 2000-х гг. (о чём говорили в стане демократов), но и в принципе использование национальных ресурсов ради переустройства мира. Команда Д. Трампа сделала основной акцент в своей внешней политике не на расширении *Rex Americana*, а на защите уже достигнутого положения доминирующей военной и экономической державы.

Вопрос о том, насколько высоки издержки гегемонии для самого гегемона, затрагивался в американской научной среде и ранее, а с приходом Д. Трампа такая точка зрения стала более востребованной. Так, автор теории наступательного реализма Джон Миршаймер (Чикагский университет) подверг сомнению саму идею достижения устойчивой глобальной гегемонии и, соответственно, счёл курс США 1990–2000-х гг. на построение однополярного мира излишне затратным. Он считал, что Соединённые Штаты уже давно являются гегемоном Западного полушария и успешно боролись с попытками конкурентов создать аналогичную систему в Восточном полушарии. Однако после холодной войны, даже в условиях практически полной безопасности за океанами, Америка выбрала безрассудный курс на абсолютное глобальное господство. Учёный полагал, что обе версии этой стратегии ("неоконсервативная" при Дж. Буше-мл. и "либерально-империалистическая" при Б. Клинтоне и Б. Обаме) были ошибочными: страна увязла в дорогостоящих и бесцельных войнах в регионах, не имеющих для неё стратегического значения. По мнению Дж. Миршаймера, США необходимо отступить, перейдя к уравниванию конкурентов в Старом Свете из-за океана⁷. По сути дела, он предложил вернуться

⁷ См.: *Mearsheimer J. Realism and Restraint // Horizons. 2019. Summer. No. 14. P. 12–29.*

к традиционной англосаксонской геополитической модели, опробованной ещё Британской империей, – формированию удобного гегемону баланса сил на Евразийском континенте, использованию своего "островного" положения для осуществления стратегии активной обороны.

Дж. Миршаймеру вторил другой реалист – Барри Позен (Массачусетский технологический институт), также критиковавший гегемонию либерального толка. Он писал, что такая экспансионистская стратегия привела к авантюрам, которые дорого обошлись казне США. В реальном выражении стоимость войны в одном только Ираке в 2 раза превысила стоимость корейской войны и оказалась даже выше расходов на вьетнамскую кампанию⁸. Взгляды Б. Позена, призывавшего Вашингтон к разумному самоограничению во внешней политике, были с восторгом восприняты американскими палеоконсерваторами (в частности, их ведущим журналом *The American Conservative*), которые позже оказались в первых рядах сторонников Д. Трампа⁹.

Стремление США сохранить гегемонию, при этом снизив издержки на неё, вызывает закономерный вопрос: возможно ли долго удерживать глобальное первенство в таком "экономном" режиме или гегемония по самой своей сути высокочрезмерно затратна? Вышеупомянутый П. Андерсон отмечал, что гегемония со временем становится всё дороже, расходы на её защиту растут по мере расширения сферы "имперского контроля", а распространение экономических, технологических и организационных знаний подрывает конкурентное преимущество гегемона. Он считал, что США впервые столкнулись с этой проблемой ещё в 1970-х гг.¹⁰ Профессор Дэвид Лейк (Калифорнийский университет) склонялся к схожему выводу¹¹.

Признаки эрозии американской гегемонии обнаруживались, начиная с 12-летнего кризисного периода 1963–1974 гг. (от убийства Дж. Кеннеди до отставки Р. Никсона), когда США испытывали серьёзную внутривнутриполитическую и социальную нестабильность, подчас терпели внешнеполитические неудачи, такие как вьетнамское фиаско, и стремились изменить "правила игры" в международной финансовой системе (что им в итоге удалось). Фактически именно тогда, полвека назад, и возник первый кризис Pax Americana, отмеченный многими известными авторами¹².

Последующее крушение советского блока создало иллюзию, что истеблишмент США исправил имевшиеся уязвимости в структуре американской гегемонии. Однако многие проблемы, прежде всего высокая затратность гегемонии, так и не исчезли. Вопрос о том, что Соединённые Штаты забывают о целях внутреннего развития (например, о модернизации своей инфраструктуры), остро встал уже при Д. Трампе, причём его решение проходит в более сложных условиях – на фоне растущего раскола в американских элитах.

⁸ *Posen B.* Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy. N.Y.: Cornell University Press, 2014. P. 25.

⁹ *Ruger W.* A Realist's Guide to Grand Strategy // *The American Conservative*. 2014. 26 August. URL: <https://www.theamericanconservative.com/articles/a-realists-guide-to-grand-strategy/> (дата обращения: 15.03.2020).

¹⁰ *Андерсон П.* Указ. соч. С. 113.

¹¹ См.: *Frieden J., Lake D.* International Political Economy: Perspectives of Global Power and Wealth / 4th ed. Routledge, 2000. P. 127–128.

¹² См.: *Aron R.* The Imperial Republic: The United States and the World, 1945–1973. Englewood Cliffs, 1974. P. 161.

Нынешнее охлаждение американцев к распространению либеральной демократии, особо заметное на фоне подъёма правого и левого популизма, говорит о постепенном упадке их веры в то, что США призваны быть гарантом существующего миропорядка. Момент окончания экспансии, судя по всему, является закономерным жизненным этапом любой гегемонии. Так, Рим (сравнения *Rex Americana* с которым были популярны в стране в начале XXI в.) отказался при императоре Адриане (117–138 гг. н.э.) от политики расширения территории и перешёл к курсу на защиту границ империи, включая строительство пограничных укреплений вроде стены Адриана.

В обеих партиях, несмотря на все их разногласия, растёт запрос на более осторожную внешнюю политику. Если двадцать лет назад Вашингтон относительно легко решался на военные операции, то в мае 2019 г. идея интервенции в Венесуэлу нашла понимание лишь у небольшой части республиканцев. По-видимому, значительная доля элиты США постепенно принимает оборонительную стратегию сохранения лидерства в мире и с этой целью обращается к концепции национального суверенитета.

Суверенитет как новый принцип гегемонии США

Рост числа сторонников внешнеполитического реализма, т.е. опоры на суверенитет, национальные интересы и политику баланса сил, начался в США после того, как стали вскрываться неудачи неоконсервативной политики администрации Дж. Буша-мл. Уже к 2006 г. исследователями отмечалось повышение авторитета приверженцев традиционного реализма. Некоторые авторы предложили противопоставить ему *либеральный реализм*, совмещающий интересы международных институтов и американского лидерства (раз уж "чистая" однополярная гегемония вызывала неприятие даже у европейских союзников США)¹³. Администрация Б. Обамы, пришедшего в Белый дом в 2009 г., действительно во многом опиралась на идеи либерального реализма, контрастировавшего с интервенционистской политикой администраций Б. Клинтона и Дж. Буша-мл.

Однако переход Соединённых Штатов к более осторожной политике был "перехвачен" (как того и опасались некоторые сторонники глобалистского курса, такие как известный философ Ф. Фукуяма) американскими националистами, приверженцами популярной в межвоенный период среди республиканцев идеи "Америка прежде всего". Администрация Д. Трампа, в отличие от демократов, поставила во главу угла не развитие многосторонних альянсов, а односторонние действия самих США.

Команда действующего президента сделала ставку на удержание военно-технологического превосходства: например, оборонный бюджет страны вырос с 607 млрд долл. в 2016 г. до 738 млрд в 2020 г. При этом фокус использования силы как инструмента удержания гегемонии сместился с расширения и укрепления глобального миропорядка на конкуренцию

¹³ Martin Wolf: US foreign policy needs "liberal realism" // Financial Times. 2006. June. URL: <https://www.ft.com/content/1bd27698-fb03-11da-b4d0-0000779e2340> (дата обращения: 15.03.2020).

с другими великими державами (прежде всего Россией и КНР) и защиту национальных интересов США. Отечественный учёный С. М. Ермаков (Российский институт стратегических исследований) отмечал, что "появление новых стратегических документов официально закрепило, по оценкам американских экспертов, возрождение геополитического мышления в истеблишменте страны и, как следствие, смену приоритетов в политике обеспечения национальной безопасности"¹⁴. Подход Белого дома приобрёл смешанный характер, представляя собой своеобразный компромисс между приоритетами "ястребиной" верхушки Республиканской партии и военных кругов США и реализацией первоначальных намерений Д. Трампа по завершению затянувшихся военных кампаний страны за рубежом.

Трамписты изменили соотношение элементов в структуре американской гегемонии, понизив значение её привлекательности за рубежом и отказавшись от устоявшейся "альтруистической" трактовки американской внешней политики, предложенной ещё в 1941 г. основателем журнала *Time* Генри Люсом¹⁵. Падение популярности курса Вашингтона на международной арене – привычное явление при республиканских администрациях (они более ориентированы на силовой и односторонний подход в сравнении с демократами), однако при нынешнем президенте оно оказалось особенно серьёзным¹⁶. Команда Д. Трампа во многом пожертвовала популярностью страны за рубежом в угоду американским коммерческим интересам. Показательно, например, что экономический советник Д. Трампа Л. Кадлоу в феврале 2019 г. заявил губернаторам американских штатов, что цель Белого дома состоит не в отказе от международной торговли вообще, а в изменении её правил на более выгодные для Соединённых Штатов¹⁷.

Американские националисты остаются верны традициям правого лагеря США в своём критическом отношении к любым наднациональным структурам. Стремление уклониться от принятия международных обязательств соответствует внешнеполитической традиции, которой страна придерживалась до Второй мировой войны (например, при президенте-республиканце У. Гардинге). Подход трампистов, исторически присущий многим американским консерваторам, подразумевает желательность перевода межгосударственного взаимодействия преимущественно в двусторонний формат. Связи по линии "государство – государство" во многом выгодны для США как сверхдержавы, способной навязать свою волю большинству иностранных партнёров.

Правые силы в Соединённых Штатах продвигают идею о том, что суверенное государство обеспечивает своим гражданам более высокий уровень благосостояния и защиты от угроз (преступности, терроризма и т.п.),

¹⁴ Ермаков С.М. Фактор военной силы в современной стратегии США // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 5 (56). С. 97–121.

¹⁵ Henry Luce, *The American Century* (1941) // *Classics of Strategy and Diplomacy*. 2015. 16 September. URL: <https://www.classicsofstrategy.com/2015/09/the-american-century-luce.html> (дата обращения: 15.03.2020).

¹⁶ Fetterolf J., Cha J. Few in other countries approve of Trump's major foreign policies, but Israelis are an exception // Pew Research Center. 2020. 3 February. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/03/few-in-other-countries-approve-of-trumps-major-foreign-policies-but-israelis-are-an-exception/> (дата обращения: 15.03.2020).

¹⁷ Greenblatt A. Wary of Trump's Approach, Governors Seek to Forge Own Trade Agreements // *Governing*. 2019. 24 February. URL: <https://www.governing.com/topics/politics/gov-Trump-trade-national-governors-association.html> (дата обращения: 15.03.2020).

чем наднациональные институты и субгосударственные структуры (частные корпорации, этнические общины, группы особых интересов и т.д.). Судя по программным выступлениям Д. Трампа (например, с трибуны Генассамблеи ООН¹⁸), его администрация рассматривает поддержку национального государства как наилучший путь развития сферы мировой политики в целом. Внешнеполитическая доктрина трампизма тем самым работает на сохранение наследия Вестфальской системы международных отношений, создатели которой заложили принцип государственного суверенитета после окончания Тридцатилетней войны в 1648 г.¹⁹

В 2018 г. американцы вышли из Совета ООН по правам человека и отказались признавать юрисдикцию Международного уголовного суда, заявив, что не уступят свой суверенитет "неизбираемой и неподотчётной глобальной бюрократии"²⁰. Данные шаги, по мнению Д. Трампа, символизировали отказ США от идеологии глобализма.

Новым императивом американской политики по сохранению гегемонии, по сути, становится поощрение соперничества держав, не объединённых ничем, кроме признания приоритета суверенных интересов. Подобная система (если она сформируется) может напоминать модель спортивного соревнования, где триумфатор зависит от количества побед, определяющих его место в турнирной таблице. Однако такое лидерство будет нуждаться в регулярном подтверждении геополитическими успехами, что увеличит зависимость статуса Вашингтона в мире от исхода опосредованных конфликтов с другими великими державами.

Ставка Белого дома на укрепление суверенитета обеспечивает проведение им политики экономического национализма, которая направлена на защиту интересов деловой элиты США (особенно компаний добывающих отраслей) в ходе растущей глобальной конкуренции. Данная практика активно применялась республиканцами в период мощного подъёма страны в 1860–1920-х гг. Однако опыт использования протекционизма державами-гегемонами в условиях относительного упадка выглядит более спорным. Так, в межвоенный период Британия, считавшаяся ранее сторонницей свободной торговли, перешла к защите рынков своей империи, расширив тарифы на импортные товары²¹. Это существенно повлияло на ход геополитического соперничества в мире, но не спасло *Rex Britannica*.

¹⁸ Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly, New York // The White House. Official website. 2018. 25 September. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/> (дата обращения: 15.03.2020).

¹⁹ Прежде всего принципа суверенитета. Хотя при создании Вестфальской системы суверенные права предназначались главным образом монархам, после Великой французской революции и Войны за независимость США возникла концепция народного (национального) суверенитета, приверженцами которой, по сути, и являются американские популисты.

²⁰ Fonte J. Trump Explains Sovereignty // Hudson Institute. 2018. 31 October. URL: <https://www.hudson.org/research/14651-trump-explains-sovereignty> (дата обращения: 15.03.2020).

²¹ Smith T. Does trade policy really matter? // American Economic Association. 2019. 25 February. URL: <https://www.aeaweb.org/research/british-interwar-protectionism-imprial-imports> (дата обращения: 17.03.2020).

Трудности перестройки американского лидерства

Нынешнее состояние американоцентричной международной системы находится под влиянием не только текущей политики администрации Д. Трампа, но и инерции предшествующих десятилетий, в ходе которых устоялись базовые институты гегемонии Вашингтона. Способность США сохранить их, претендуя теперь на роль лидера процессов ресуверенизации в мире, пока что не доказана (срок, прошедший с момента избрания Д. Трампа, невелик по историческим меркам). Вышеупомянутый Б. Позен с долей иронии отмечает: "Обе партии согласны в том, что Соединённые Штаты должны напрямую руководить отношениями в сфере региональной безопасности в любом уголке мира, который, как кажется, имеет стратегическое значение, и таковым постепенно становится каждый его уголок"²². С учётом такого умонастроения американского политического класса у него, скорее всего, возникнут сложности с перестройкой *Rex Americana* на неглобалистских началах.

Хотя в американском истеблишменте присутствует консенсус относительно того, что гегемонию США необходимо сохранить, в нём отсутствует единство мнений о том, какие методы оптимальны для достижения данной цели. Межпартийный раскол добавляет остроты внешнеполитическим спорам в стране²³.

Тем не менее многие внешнеполитические установки действующей администрации как минимум частично соответствуют умонастроениям политического класса Соединённых Штатов. Так, демократ Дж. Байден одобряет рост военных расходов и обещает не возвращаться к участию в Транстихоокеанском партнёрстве, сторонником которого он был во время работы в администрации Б. Обамы²⁴.

Если ухудшение отношений США с Евросоюзом при нынешнем главе Белого дома вызывает критику американского политического и экспертного мейнстрима, то политика Д. Трампа на китайском направлении пользуется гораздо большей поддержкой в истеблишменте страны²⁵. Центристские круги (условно говоря, политический спектр от Дж. Байдена до М. Ромни) в случае своего успеха на выборах президента и конгресса постарались бы достичь улучшения взаимодействия с ЕС и втягивания европейцев в процесс сдерживания Китая.

Одним из важнейших последствий воплощения в жизнь концепции "Америка прежде всего" стало принятие в Вашингтоне идеи о необходимости борьбы с КНР ради сохранения мирового лидерства. Бывший сотрудник

²² *Posen B.* Op. cit. P. 15.

²³ *Conflicting Partisan Priorities for U.S. Foreign Policy* // Pew Research Center. 2018. 29 November. URL: <https://www.people-press.org/2018/11/29/conflicting-partisan-priorities-for-u-s-foreign-policy/> (дата обращения: 17.03.2020).

²⁴ *Boehm E.* Biden says he supports the Trans-Pacific Partnership, and also does not support the Trans-Pacific Partnership // Reason. 2019. 31 July. URL: <https://reason.com/2019/07/31/biden-says-he-supports-the-trans-pacific-partnership-and-also-does-not-support-the-trans-pacific-partnership/> (дата обращения: 17.03.2020).

²⁵ См.: *Blackwill R.* Trump's Foreign Policies are better than they seem: Special Report Book 84 / Council on Foreign Relations. N.Y., 2019. P. 27.

СНБ США при Г. Киссинджере Роберт Блэквилл, даже критикуя многие направления текущей внешней политики Белого дома, подчеркнул в своём докладе для Совета по международным отношениям, что администрация Д. Трампа внесла чрезвычайный вклад в безопасность США, отбросив ошибочные подходы к Китаю, которые использовались предшественниками действующего президента в предыдущие почти два десятилетия²⁶.

Рах Америка постепенно вступает в тот этап развития, который рано или поздно переживали все гегемонии прошлого, – период соперничества действующего лидера с претендентом на первенство. Такое втягивание в противоборство двух государств из-за страха лидирующей державы перед растущей мощью конкурента известный политолог Грэм Аллисон (Гарвардский университет) назвал термином "ловушка Фукидида" (в честь древнегреческого историка, описавшего причины столкновения афинян и спартанцев в ходе Пелопоннесской войны)²⁷. Хотя сам Г. Аллисон впоследствии утверждал о возможности избежать попадания в неё, истеблишмент США всё сильнее концентрируется на сдерживании Китая, причём такая политика обретает редкую в нынешние времена двухпартийную поддержку.

Американо-китайское соперничество начинает испытывать на прочность союзников США. Так, ограничения по торговле с "нерыночными странами", включённые по требованию Вашингтона в договор о "новой НАФТА", во многом закрывают перед Канадой возможности свободной торговли с КНР. Многие лояльные США государства (даже Бразилия с её позитивно настроенным к США президентом Ж. Болсонару) демонстрируют нежелание отказываться от сотрудничества с китайской корпорацией "Хуавей"²⁸. Издержки партнёров США в ходе защиты Вашингтоном своей гегемонии, по всей видимости, будут нарастать.

Пелопоннесская война даёт ещё один важный урок, связанный с отношениями лидирующей державы со своими союзниками. "Эгоизм" гегемона может обернуться против него самого, что осознаётся многими экспертами внутри США. Так, авторитетный журнал *Foreign Affairs* предупреждает Вашингтон о риске повторить путь Древних Афин. Город, считавший себя лидером Эллады, поставил под свой контроль политику городов проафинского Делосского союза и его общую казну, которую афинская верхушка использовала по своему усмотрению. Это привело к выходу многих полисов из альянса с афинской демократией и подготовило почву для её поражения в противостоянии со Спартой²⁹. Вашингтон действует в схожем ключе, фактически "обменивая" имиджевый капитал на сохранение превосходства, что постепенно подтачивает его гегемонию.

²⁶ См.: *Blackwill R.* Op. cit. P. 8, 67.

²⁷ *Allison G.* China vs. America: Managing the Next Clash of Civilizations // *Foreign Affairs*. 2017. September – October. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-08-15/china-vs-america> (дата обращения: 19.03.2020).

²⁸ *Brian P.* Even Latin America's Trump is Kowtowing to the Chinese // *The American Conservative*. 2019. 1 November. URL: <https://www.theamericanconservative.com/articles/even-latin-americas-trump-is-kowtowing-to-the-chinese/> (дата обращения: 19.03.2020).

²⁹ *Farrell H., Newman A.* The Twilight of America's Financial Empire // *Foreign Affairs*. 2020. 24 January. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-01-24/twilight-americas-financial-empire> (дата обращения: 19.03.2020).

В этой ситуации проблема обоснования американского лидерства становится ещё более острой. Перевод *Рак Americana* на принципиально иные идеологические рельсы трудноосуществим. Консерватизм трампис-тов контрастирует с тем, что Соединённые Штаты в целом являются довольно либеральным государством. Вследствие этого США проблематично стать лидером традиционалистских сил даже в рамках христианского мира. Усиление позиций национализма в различных странах, которому немало способствовал подъём правопопулистских сил в США, приводит к росту внимания государств к своим суверенным интересам, что скорее осложняет для Вашингтона сохранение завязанной на него интернациональной системы.

Многоуровневая полярность и будущее *Рак Americana*

Завершение периода безоговорочного глобального доминирования Вашингтона на данный момент сочетается с сохранением американского первенства. Это свидетельствует о начале переходного исторического периода, когда лидирующая держава демонстрирует признаки упадка (сдержанного геополитического отступления и растущего внутреннего раскола), но на смену ей пока не пришли ни новый глобальный гегемон (или группа региональных гегемонов), ни новая устойчивая геополитическая система.

Наступившая эпоха будет постепенно обнаруживать собственные принципы развития. Соотношение сил между ведущими странами постепенно меняется, что формирует новую, более сложную полярность международной системы. С одной стороны, степень её моноцентричности снижается по мере уменьшения влияния США, что признают эксперты в самих Соединённых Штатах. Так, в число глобальных держав к 2050 г. наряду с США и КНР некоторые американские аналитики включают Россию³⁰, что фактически является признанием ими неминуемости наступления многополярного мира (в данном случае на основе первенства трёх государств). За ними следует целая группа региональных лидеров, серьёзно различающихся по своим внешнеполитическим возможностям и внутренней специфике – от постоянных участников Совета Безопасности ООН Франции и Великобритании до Германии, Бразилии, Индии, Ирана и ряда других игроков.

С другой стороны, состояние многополярности, судя по всему, ещё не достигнуто. Согласно устоявшемуся определению, многополярностью является такое распределение власти, при котором более двух национальных государств имеют почти равное военное, культурное и экономическое влияние³¹. В существующих же условиях сохраняются лидерство США с многочисленными институтами их глобальной гегемонии, а также неравномерное распределение возможностей держав, имеющих различные уровни влияния на международную систему.

³⁰ US Foreign Policy: Four Scenarios for the Coming Decade // Fitch Solutions. 2019. 9 April.

³¹ См., напр.: *Рогов С.М.* Россия и США: Уроки истории и выводы на будущее // Россия и Америка в XXI веке. 2007. № 1.

Американо-китайская конкуренция также усложняет структуру полярности, поскольку добавляет в неё отдельные элементы биполярного противоборства. Как отмечает российский исследователь А. В. Глазова (РИСИ), "ядро соперничества пока в большей степени является экономическим и технологическим, а не военно-политическим и идеологическим"³², т.е. его масштабы ограничены и вряд ли сравнимы с эпохой противостояния США и СССР второй половины XX в. Вместе с тем структурные черты конфронтации двух лидирующих держав проступают сильнее, чем в первой половине прошлого столетия, когда за право сместить Британию с позиции мирового гегемона спорили сразу три претендента – Германия, США и СССР. Сейчас же в Вашингтоне уже фактически "назначили" Пекин своим главным соперником, что будет в значительной степени концентрировать внимание американской элиты на защите своих позиций от растущего могущества КНР.

Таким образом, начавшийся переходный период в истории международных отношений характеризуется смешанным типом полярности, который сочетает в себе существенные признаки как уходящего однополярного мира, так и усиливающейся многополярности, а также отдельные элементы биполярного соперничества за гегемонию. Такое состояние международной среды можно описать как систему **многоуровневой полярности**.

Данная система формируется в период высокой неопределённости международной среды, способствующей нарастанию кризисных явлений в сферах безопасности, экономики и международно-политических отношений. В этих условиях многоуровневая полярность может приобрести *следующие базовые черты*.

1. Суверенные государства возвращают себе позицию главного актора системы международных отношений. Если в начале XXI в. национальный суверенитет как принцип считался многими экспертами и политиками постепенно уходящим в прошлое, то в новой исторической ситуации суверенное государство, наоборот, будет вновь восприниматься как основной инструмент защиты интересов элитарных групп и национальных сообществ. Потребность в государстве как институте, имеющем уникальные возможности по обеспечению военной безопасности, социально-экономического регулирования и культурной идентичности, вероятнее всего, будет расти в условиях международной нестабильности, присущей переходным эпохам.

2. Между государствами сохраняется неравенство возможностей (военно-стратегических, технологических, экономических и др.). В мире выделяется несколько групп (уровней) влияния стран – глобальные лидеры, региональные игроки, средние и малые державы. Внутри групп также присутствует неравномерное распределение влияния.

3. Способность действующего гегемона к унификации поведения участников международной системы снижается по мере роста новых центров силы и постепенного упадка самой доминирующей державы. Это является дополнительным стимулом для государств к тому, чтобы попытаться занять более выгодные позиции в неформальной иерархии влияния на мировой арене в условиях геополитической "пересдачи карт".

³² Глазова А.В. Ослабление глобального лидерства США и контуры нового мирового порядка // Перспективы сохранения глобального доминирования США. Вестник учёного совета РИСИ. 2019. № 4. С. 44.

4. Поскольку многие институты глобальной гегемонии сложились в предшествующий период более устойчивого лидерства ведущей державы и сдерживают стремление целого ряда стран к улучшению своих международных позиций, государства, скорее всего, не только будут продолжать их использование, но и станут интенсивнее искать альтернативные способы реализации собственных интересов. Это приведёт к появлению новых форм соперничества и сотрудничества между ними, более динамичных и нередко ситуационных – для разрешения конкретных кризисов или задач.

Принципиально важной причиной возникновения многоуровневой полярности является упадок гегемонистской системы Вашингтона, сочетающийся с сохранением США статуса наиболее влиятельного государства. При этом теоретически повторение в будущем схожего расклада (ограниченное превосходство гегемона, неравномерное распределение влияния ведущих держав, неустойчивость международной системы) может способствовать сохранению многоуровневости в новом виде. Что же касается текущего момента, то судьба лидерства США остаётся основным "нарративом" наступившей эпохи.

Гегемония Вашингтона, по мнению некоторых американских авторов, может завершиться в случае ухода США из ключевых регионов Евразии – под давлением держав-соперников либо по внутренним причинам. По оценкам Питера Харриса (Университет Колорадо), подобное отступление произойдёт в том случае, если какому-либо сопернику (или их группе) удастся вытеснить Соединённые Штаты из Восточной Европы или Восточной Азии. В статье для журнала *The National Interest* учёный предполагает, что это может произойти в случае поражения восточноевропейских или азиатских союзников США соответственно от России или КНР, при условии что Вашингтон не выполнит военные обязательства перед своими партнёрами. Китай также может нанести критический урон американской гегемонии, если сумеет заставить своих соседей отказаться от участия в американской архитектуре региональной безопасности в АТР. Наконец, уход Соединённых Штатов под давлением извне также возможен в случае появления такого союза евразийских держав, который сделал бы стратегически неприемлемым для США сохранение надёжного военного присутствия в Старом Свете³³.

Сценарий заката Pax Americana "по собственному желанию" основывается на том, что Соединённые Штаты могут прийти к необходимости сократить участие в зарубежных делах по внутренним причинам, например при усилении изоляционистских настроений в стране³⁴. Так или иначе, именно окончание доминирования Америки в ключевых регионах Евразии, вынужденное или добровольное, будет сигнализировать о полном закате однополярного мира.

В настоящий момент США пытаются сохранить лидирующее положение, стремясь избежать при этом дальнейшего перенапряжения сил. Однако международная система динамична, и закрепить положение после

³³ Harris P. When will the Unipolar World end? // *The National Interest*. 2019. 27 May. URL: <https://nationalinterest.org/feature/when-will-unipolar-world-end-59202> (дата обращения: 19.03.2020).

³⁴ Ibid.

отказа от экспансии довольно трудно, о чём свидетельствует исторический опыт их предшественников. Государства-гегемоны неоднократно сталкивались с невозможностью продолжения активной экспансии. В такой ситуации оказалась, например, Византия в конце VI в. н.э., после смерти императора Юстиниана I, чьи дорогостоящие проекты по строительству "Вселенской империи" подорвали финансовые возможности страны. Римейская держава была вынуждена надолго перейти к геополитической обороне, несмотря на отдельные наступательные успехи. Однако позиции империи оказались очень уязвимы перед давлением внешних сил (персов, арабов, славян и др.) в последующие два с лишним века. США вряд ли смогут рассчитывать на долгосрочную стабильность статус-кво.

* *
*

В конечном счёте всегда остаётся ещё один вопрос: насколько сами США готовы к ответственности, которую накладывает на них статус глобального гегемона? Так, известный британско-американский историк Нил Фергюсон ставил под сомнение готовность Вашингтона обеспечить "строительство наций" на Ближнем Востоке, указывая на то, что американцы не склонны принимать такие долгосрочные исторические обязательства, которые необходимы для транзита стран к рыночной экономике и демократическому правительству³⁵.

При всей субъективности таких оценок, следует вспомнить, что американская история началась с ухода из Старого Света, стремления убежать от него, а вовсе не брать ответственность за его судьбу. В нынешнем году США отмечают важный юбилей. Ровно 400 лет назад, осенью 1620 г., чуть более сотни пуритан, пожелавших навсегда покинуть недружелюбную к ним Европу, прибыли на корабле "Мэйфлауэр" к побережью нынешнего Массачусетса, что впоследствии стало рассматриваться как момент символического зарождения американской нации. В XX в. американцы вернулись в Старый Свет уже не в роли беглецов и религиозных диссидентов, а в качестве лидеров Запада и строителей глобальной по размаху гегемонии. Прародители США, с трудом пережившие первую зиму в своей небольшой колонии, могли бы быть довольны успехами наследников. Однако даже сверхдержавы не властны над временем. "Американский мир" уже вступил в эпоху исторической осени.

Ключевые слова: *гегемония США – Pax Americana – великие державы – суверенитет – тремпизм – внешнеполитический реализм – система международных отношений – многоуровневая полярность.*

Keywords: *the U.S. hegemony – Pax Americana – the great powers – sovereignty – Trumpism – foreign policy realism – system of international relations – multi-layered polarity.*

³⁵ См.: *Ferguson N. Colossus: The Rise and Fall of the American Empire. N.Y.; L.: Penguin, 2005. P. 28.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсон П.* Перипетии гегемонии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018.
2. *Глазова А.В.* Ослабление глобального лидерства США и контуры нового мирового порядка // Перспективы сохранения глобального доминирования США. Вестник учёного совета РИСИ. 2019. № 4.
3. *Ермаков С.М.* Фактор военной силы в современной стратегии США // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 5 (56). С. 97–121.
4. *Рогов С.М.* Россия и США: Уроки истории и выводы на будущее // Россия и Америка в XXI веке. 2007. № 1.
5. *Allison G.* China vs. America: Managing the Next Clash of Civilizations // Foreign Affairs. 2017. September – October. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-08-15/china-vs-america> (дата обращения: 19.03.2020).
6. *Aron R.* The Imperial Republic: The United States and the World, 1945–1973. Englewood Cliffs, 1974.
7. *Blackwill R.* Trump's Foreign Policies are better than they seem: Special Report Book 84 / Council on Foreign Relations. N.Y., 2019.
8. *Boehm E.* Biden says he supports the Trans-Pacific Partnership, and also does not support the Trans-Pacific Partnership // Reason. 2019. 31 July. URL: <https://reason.com/2019/07/31/biden-says-he-supports-the-trans-pacific-partnership-and-also-does-not-support-the-trans-pacific-partnership/> (дата обращения: 17.03.2020).
9. *Brian P.* Even Latin America's Trump is Kowtowing to the Chinese // The American Conservative. 2019. 1 November. URL: <https://www.theamericanconservative.com/articles/even-latin-americas-trump-is-kowtowing-to-the-chinese/> (дата обращения: 19.03.2020).
10. Conflicting Partisan Priorities for U.S. Foreign Policy // Pew Research Center. 2018. 29 November. URL: <https://www.people-press.org/2018/11/29/conflicting-partisan-priorities-for-u-s-foreign-policy/> (дата обращения: 17.03.2020).
11. *Farrell H., Newman A.* The Twilight of America's Financial Empire // Foreign Affairs. 2020. 24 January. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-01-24/twilight-americas-financial-empire> (дата обращения: 19.03.2020).
12. *Ferguson N.* Colossus: The Rise and Fall of the American Empire. N.Y.; L.: Penguin, 2005.
13. *Fetterolf J., Cha J.* Few in other countries approve of Trump's major foreign policies, but Israelis are an exception // Pew Research Center. 2020. 3 February. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/03/few-in-other-countries-approve-of-trumps-major-foreign-policies-but-israelis-are-an-exception/> (дата обращения: 15.03.2020).
14. *Flint C., Taylor P.J.* Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality / 7th ed. Routledge, 2018.
15. *Fonte J.* Trump Explains Sovereignty // Hudson Institute. 2018. 31 October. URL: <https://www.hudson.org/research/14651-trump-explains-sovereignty> (дата обращения: 15.03.2020).
16. *Frieden J., Lake D.* International Political Economy: Perspectives of Global Power and Wealth / 4th ed. Routledge, 2000.
17. *Greenblatt A.* Wary of Trump's Approach, Governors Seek to Forge Own Trade Agreements // Governing. 2019. 24 February. URL: <https://www.governing.com/topics/politics/gov-Trump-trade-national-governors-association.html> (дата обращения: 15.03.2020).
18. *Harris P.* When will the Unipolar World end? // The National Interest. 2019. 27 May. URL: <https://nationalinterest.org/feature/when-will-unipolar-world-end-59202> (дата обращения: 19.03.2020).
19. Henry Luce, The American Century (1941) // Classics of Strategy and Diplomacy. 2015. 16 September. URL: <https://www.classicsofstrategy.com/2015/09/the-american-century-luce.html> (дата обращения: 15.03.2020).
20. *Ikenberry J.* Liberal Leviathan: The Origins, Crisis and Transformation of the American World Order. Princeton, 2011.

21. *Kindleberger Ch.* Dominance and Leadership in the International Economy: Exploitation, Public Goods, and Free Rides // *International Studies Quarterly*. 1981. June. Vol. 25. P. 242–254.

22. Martin Wolf: US foreign policy needs "liberal realism" // *Financial Times*. 2006. June. URL: <https://www.ft.com/content/1bd27698-fb03-11da-b4d0-0000779e2340> (дата обращения: 15.03.2020).

23. *Mearsheimer J.* Realism and Restraint // *Horizons*. 2019. Summer. No. 14. P. 12–29.

24. *Posen B.* Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy. N.Y.: Cornell University Press, 2014.

25. Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly, New York // The White House. Official website. 2018. 25 September. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/> (дата обращения: 15.03.2020).

26. *Ruger W.* A Realist's Guide to Grand Strategy // *The American Conservative*. 2014. 26 August. URL: <https://www.theamericanconservative.com/articles/a-realists-guide-to-grand-strategy/> (дата обращения: 15.03.2020).

27. *Smith T.* Does trade policy really matter? // *American Economic Association*. 2019. 25 February. URL: <https://www.aeaweb.org/research/british-interwar-protectionism-imperial-imports> (дата обращения: 17.03.2020).

28. US Foreign Policy: Four Scenarios for the Coming Decade // *Fitch Solutions*. 2019. 9 April.